УДК 821.111

DOI 10.22455/2541-7894-2019-6-8-23

Эльвира ОСИПОВА

WHO IS MR GATSBY? ПОРТРЕТ ГЕРОЯ НА ФОНЕ НЬЮ-ЙОРКА 1920-х

Аннотация: В статье содержится краткий обзор трактовок романа Ф.С. Фицджеральда как в американской, так и в отечественной критике, делается вывод о том, что идеализация главного героя есть следствие долгой традиции, определяющей Джея Гэтсби одновременно как жертву общественной несправедливости и как романтического мечтателя. При этом социальный фон критиками практически не учитывается, а именно он и определяет характер и поведение героя. Роман Фицджеральда не только передает очарование «века джаза», но приоткрывает довольно мрачные стороны американской жизни 1920-х годов. Американская печать того времени пестрела статьями о борьбе мафиозных группировок, жестоких разборках внутри кланов, ограблениях, заказных убийствах, незаконной торговле спиртным, жульничестве с ценными бумагами, коррупции политической власти, накрепко спаянной с преступным миром. Эхо подобных публикаций отчетливо звучит в романе «Великий Гэтсби». Статья представляет собой расследование, предпринятое с целью прояснить характер главного героя и проследить его путь в Нью-Йорке – от вернувшегося из Европы офицера без гроша в кармане, который согласился работать на мафию, – к бесславному концу человека, ставшего одним из лидеров организованной преступной группировки. Сочетание художественного вымысла и исторических фактов придает роману особый характер, требующий и нетрадиционного метода анализа. Именно поэтому приходится выступать в роли следователя или детектива-криминалиста – отыскивать улики, оценивать их значение, сопоставлять факты и даты, проверять показания свидетелей и рассматривать различные версии случившегося, а также критически оценивать перевод Е. Калашниковой, который содержит немало отклонений от подлинника.

Ключевые слова: Ф. Скотт Фицджеральд, «Великий Гэтсби», мафия Нью-Йорка, Арнольд Ротштейн, ненадежный рассказчик, Аль Капоне.

© 2019 Эльвира Филипповна Осипова (доктор филол. наук, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия) elvira.osipova@mail.ru

UDC 821.111

DOI 10.22455/2541-7894-2019-6-8-23

Elvira OSIPOVA

WHO IS MR GATSBY? THE PORTRAIT AGAINST THE BACKDROP OF THE NEW YORK CITY IN THE TWENTIES

Abstract: The paper reviews various interpretations of the novel by F. Scott Fitzgerald in both Russian and American critique. A conclusion is made that the idealization of the protagonist is the result of a long tradition of treating Jay Gatsby as both a victim of circumstances and a romantic dreamer. The social context of the time and the place is not adequately assessed, although it determines the character of the central figure of the novel. Fitzgerald's famous book not only renders the charm of the Jazz Age, but reveals the seamy side of American life in the 1920s. American press of that time was full of news of mafia wars, racket, money laundering, boot-legging, wide-spread corruption of politicians closely connected with the criminal world. The echo of these events is quite audible in "The Great Gatsby". The paper is, in fact, an enquiry aimed at revealing the real character of Jay Gatsby. It traces his evolution – from a penniless officer who after returning from Europe to New York City agreed to work for the mafia – one of the leaders of a criminal gang. The combination of artistic imagination and historic facts requires an untraditional analysis – searching for clues, juxtaposing facts and dates, checking the words of witnesses and weighing different versions of events described in the novel. The quality and exactness of translation also come under scrutiny: the translation of the novel made by E. Kalashnikova sometimes deviates from the original, which does not help the reader to get an adequate idea of Gatsby's true nature.

Keywords: Francis Scott Fitzgerald, *The Great Gatsby*, New York City mafia, Arnold Rotstein, unreliable narrator, Al Capone.

© 2019 Elvira F. Osipova (Doctor Hab. of Philology, independent researcher, Saint-Petersburg, Russia) elvira.osipova@mail.ru

Фрэнсис Скотт Фицджеральд относится к тем писателям, чье творчество, как кажется, исследовано досконально и окончательно. Признанный портретист эпохи, которую в начале двадцатых он окрестил «веком джаза», Фицджеральд воссоздал в своих романах ее несомненное очарование, мишурный блеск и тревожное ощущение приближающейся катастрофы.

Это было время после окончания страшной войны, которая оставила тысячи морально и физически искалеченных людей, время контрастов – не только между бедными и богатыми, но между прошедшими через ад войны и теми, кого она не затронула и кто предпочитал ничего о ней не думать и просто наслаждаться жизнью. Особенно тонко трагедию целого поколения европейцев и американцев описал Хемингуэй, опаленный огнем войны и потерявший иллюзии относительно разумного устройства мира. Не видевший ужасов войны Фицджеральд все же смог почувствовать ее отзвуки. Он ощутил особую атмосферу в стране, куда возвращались герои с полей сражений Первой мировой.

Действие романа «Великий Гэтсби» (1925) происходит в Нью-Йорке летом и осенью 1922 года, то есть через четыре года после окончания военных действий в Европе и через пять – после того, как в войну вступили США. То было время «сухого закона», расцвета мафии и политической коррупции. На таком историческом фоне разворачивается история Джея Гэтсби, Дэзи и Тома Бьюкененов, о которой устами Ника Каррауэя рассказывает автор. «Великий Гэтсби» – самый известный, но менее всего понятый роман Фицджеральда. О чем же эта книга – о несчастливой любви, о романтическом стремлении к счастью или о недостижимости «американской мечты»? Или же о притягательности «сладкой жизни» – в ее американском варианте – и о деградации личности, не способной устоять перед искушением больших денег? Последнее предположение точнее объясняет и смысл романа, и особенности его построения.

В трактовке романа критики практически единодушны. В герое традиционно видят человека, который всю жизнь преследовал возвышенную мечту, но не смог осуществить ее. Об этом пишет, в частности, А.М. Зверев, относивший Гэтсби к тем людям, кто «доверяет голосу сердца» и «в борьбе за счастье... оправдывает собственный индивидуализм». Он говорит о «двойственности» заглавного персонажа: Гэтсби, конечно, бутлегер, но в то же время – человек, «воплотивший в себе исходное противоречие национального сознания»¹. В.М. Толмачев

¹ Зверев А.М. Фицджеральд // Писатели США. Краткие творческие биографии. М.: Радуга, 1990. С.517–518.

смотрит на героя глазами рассказчика и видит в нем «воплощение ходульных добродетелей американизма». Гэтсби для него – «темный делец, прагматик, фетишист», но в то же время «романтик», «мечтатель, мистик, герой войны... художник»². Иными словами, «моральный (если говорить о *его идеальном призвании* [выделено мной. – Э.О.] герой все же внеморален по методам обретения идеала»³.

Сходную оценку герою дает И.В. Бабушкина. В одной из своих методических работ она характеризует героя романа следующим образом:

Gatsby ... is a good man by nature: naïve, generous & innocent at heart, he is gifted emotionally: capable of intense & profound love & of great optimism in his infinite devotion to his Dream.

Одним словом, Гэтсби – «бизнесмен в окружении бесчестных дельцов» (“a businessman surrounded by dishonest profiteers”)⁴.

Н.И. Самохвалов признает, что Гэтсби «нажился на биржевых спекуляциях и мошенничествах», но он «вызывает восхищение смелостью своих действий и силой своей личности»⁵. О «многогранной психологической обрисовке» героя пишет Б.А. Гиленсон. По его словам, в Гэтсби «прагматик уживается с простодушным идеалистом». Далее критик делает неожиданный вывод: «Он реализовал американскую мечту...»⁶.

Пытается проникнуть в тайну героя и В.Г. Прозоров. Книга, по его словам, «отразила болезненное очарование Века джаза и его уродство»⁷. Да, Гэтсби входит в банду знаменитого афериста Мейера Вулфсхайма, а «его шальные деньги – от незаконной торговли спирт-

² Толмачев В.М. Фрэнсис Скотт Фицджеральд // История литературы США. Том VI, книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 247, 250.

³ Там же. С. 250.

⁴ Бабушкина И.В. Американские классики XX века в студенческих дискуссиях на английском языке. М.: Изд-во МГИМО, 2007. С. 57–58.

⁵ Самохвалов Н.И. История американской литературы. Часть II. М.: Просвещение, 1971. С. 119.

⁶ Гиленсон Б.А. История литературы США. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 386.

⁷ Прозоров В.Г. Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Солист «Века Джаза» // Прозоров В.Г. Мечта и трагедия. Петрозаводск: Изд-во Карельского госпед-института, 1993. С. 167.

ным, подпольного букмекерства и других еще более темных дел». Но все это не мешает критике прийти к удивительному выводу: «Да, Гэтсби подлинно велик – силой чувств, верностью мечте, готовностью и способностью своротить горы ради ее достижения». А гибнет он потому, что «слишком “велик”, слишком романтик и идеалист, чтобы ужиться в холодном, циничном и расчетливом мире...»⁸.

Среди американских исследователей имеет хождение версия о Гэтсби как «Новом Адаме». Так, Р.В.Б. Льюис ставит героя Фицджеральда в один ряд с Натти Бампо и Геком Финном. В «Великом Гэтсби», пишет он, образ Нового Адама «обретает исключительную чистоту выражения» (“a singular purity of outline”); он «скрывает свою романтическую мечту и в конце концов становится жертвой порочного общества»⁹. С такой точкой зрения, похоже, согласен и А.М. Зверев¹⁰.

Максуэлл Гайсмар, как и многие критики, пишет о романтической мечте, которая, якобы, всегда преследовала героя и «осталась где-то в темных даях за этим городом, там, где под ночным небом раскинулись необъятные земли Америки»¹¹. О Гэтсби как человеке, ведомом мечтой, причем человеке «робком» (“humble”), пишет Алфред Кейзин. Более того, критик называет роман «аллегорией и сценарием американской судьбы»¹².

Отзывы и оценки можно множить, но это не изменит общего вывода. Исследователи сходятся в том, что Гэтсби, конечно, гангстер, но в то же время и идеалист, у которого всегда была «романтическая мечта». Искусственность сконструированного образа не позволяет назвать этот роман психологическим. Но дело в том, что Фицджеральд писал не психологический роман, а портрет времени.

Социальная обстановка в США в период «сухого закона», времени формирования и укрепления организованной преступности, хорошо изучена и описана в многочисленных исследованиях, опубликованных во второй половине двадцатого века и начале века двадцать первого. Среди них можно назвать, в частности, книги Бертона Туркиса и Сиды

⁸ Там же. С. 171, 174, 173.

⁹ Lewis, R.W.B. *The American Adam. Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1955: 197.

¹⁰ Зверев А.М. Фицджеральд. С. 518.

¹¹ Гайсмар М. Цикл прозы // Литературная история США. Том III. М.: Прогресс, 1979. С. 426.

¹² Kazin, A. *An American Procession. Major American Writers, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996: 389, 391.

Федера, Лео Кетчера, Томаса Репетто, Карла Сифакаса, Дейвида Критчли, Рика Коэна¹³.

Фицджеральду, решившему отразить атмосферу «ревущих двадцатых» (*The Roaring Twenties*), этот материал был, конечно, недоступен. Пищу для размышлений ему давала американская печать, пестревшая статьями о борьбе мафиозных группировок, жестоких разборках внутри кланов, ограблениях, заказных убийствах, незаконной торговле спиртным, жульничестве с ценными бумагами, деятельности сети «прачечных», в которых отмывались грязные деньги, коррупции политической власти, накрепко спаянной с преступным миром. Эхо подобных публикаций отчетливо звучит и в романе «Великий Гэтсби».

Идеализация главного героя – следствие долгой традиции трактовки романа как в американской, так и в отечественной критике. Пришло, наконец, время пристальной взглянуть в исторический фон, на котором разворачивается действие, и дать ответ на вопрос: кем в самом деле был Джей Гэтсби – и почему он назван «Великим»? Кстати сказать, это определение ни разу не употребляется в тексте.

В центре романа – трагическая судьба человека, обладавшего огромными деньгами. О нем мы узнаем постепенно, из слов рассказчика Ника Каррауэя, трех других героев романа и реплик самого Гэтсби, который пытается скрыть свое прошлое, но слишком часто выдает себя. Проблема адекватного восприятия романа заключается в том, что читатель, подобно рассказчику, попадает под очарование этого внешне блестящего человека и видит в нем образ «романтического» героя с несчастной судьбой. Как и в случае с рассказами Эдгара По, читатель доверяет рассказчику – и попадает в искусно расставленную ловушку.

Присмотримся пристальной к герою, чей образ традиционно идеализируют. Его подлинное имя – Джеймс Гетц. Он расстался с этим именем, когда юношей ушел из дома и порвал связь с родителями. Начав новую жизнь, он взял себе и новое имя. Читатель знакомится с ним в то время, когда Гэтсби достиг наибольшего могущества: он обладает несметными богатствами, влиянием в определенных кругах Нью-Йор-

¹³ Turkus, B.; Feder, S. *Murder, Inc. The Story of the Syndicate*. New York: Farrar & Straus, 1951; Katcher, L. *The Big Bankroll. The Life and Times of Arnold Rothstein*. New York: Da Capo Press, 1959; Reppetto, T. *American Mafia: A History of its Rise to Power*. New York: Henry Holt & Co., 2004; Sikakis, C. *The Mafia Encyclopaedia*. New York: Da Capo Press, 2005; Critchley, D. *The Origin of Organized Crime in America: The New York City Mafia, 1891–1931*. New York: Routledge, 2009; Cohen, R. *Tough Jews: Fathers, Sons and Gangster Dreams*. New York: Simon & Schuster, 2013.

ка; устраивает на своей роскошной вилле приемы, привлекавшие сотни гостей.

Гэтсби – фигура загадочная. Поселившись на Лонг Айленде, неподалеку от Дэзи и Тома Бьюкененов, Гэтсби хочет возобновить связь со своей бывшей возлюбленной и готов вернуть ее любой ценой. Столкновение соперников происходит в номере нью-йоркского отеля Plaza, куда они приехали выяснять отношения. Победил Том, открывший жене глаза на то, что в самом деле представлял собой этот блестящий миллионер.

Так кто же он, мистер Гэтсби? Такой вопрос задают себе многие персонажи книги. Задаёт его и Ник Каррауэй. Он испытывает по отношению к богатому соседу смешанные чувства: то верит ему, то испытывает сомнения в его правдивости. Постепенно читателю становится ясно, что, несмотря на весь свой светский лоск, Гэтсби – член хорошо организованной банды, или, в терминологии тех лет, мафии.

Становление героя проходило под руководством некоего миллионера Дэна Коди, который, по сути, и ввел героя во взрослую жизнь. (Не случайно портрет «наставника» висел в кабинете Гэтсби.) На его яхте Гэтсби плавал пять лет в должности стюарда, помощника капитана, шкипера, секретаря и даже тюремщика. Жизнь в этом маленьком мире отличалась «буйной удалью салунов и публичных домов западной границы»¹⁴. Дополнительный – скрытый от русского читателя – штрих, который свидетельствует о царивших на яхте нравах, содержится во фразе: “When the *Tuolomee* left for the West Indies and the Barbary Coast Gatsby left too”¹⁵. The Barbary Coast – это, конечно, не «берберийский берег» где-то в Северной Африке, а портовый район Сан-Франциско, пользовавшийся дурной славой. Дурной славой пользовались и яхта Коди, и ее хозяин. Но именно там Джей Гэтсби проходил «свои университеты», а вовсе не в Оксфорде, как он хотел, чтобы люди думали. Сомнительные обстоятельства неожиданной смерти Коди на яхте бросают тень и на Гэтсби: миллионер завещал ему большие деньги, но они достались более опытной претендентке, журналистке Элле Кэй, находившейся какое-то время на яхте вместе с Джейм Гэтсби.

¹⁴ Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби. Последний магнат. Рассказы / Пер. Е. Калашиковой. М.: Художественная литература, 1990. С.79. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи (номер страницы + литера «Р»).

¹⁵ Fitzgerald, F.S. *The Great Gatsby*. Kiev: Dnipro Publishers, 1973: 101. Далее ссылки на это издание даются в тексте (номер страницы – в скобках).

Еще одним наставником героя был Мейер Вулфсхайм, его, так сказать, «деловой партнер» и друг, сделавший из него – за три года знакомства, начиная с 1919-го, – «бизнесмена». Фигура Вулфсхайма зловеща и значительна. Первая же деталь, на которую рассказчик обратил внимание, символична: запонками ему служили человеческие коренные зубы (human molars). Этот человек – глава одной из криминальных групп, поделивших Нью-Йорк на зоны влияния. Он и члены его банды, включая главного героя, занимались рэккетом, махинациями с ценными бумагами, незаконным букмекерством и сутенерством. Но основным бизнесом для них было бутлегерство – контрабанда спиртного и незаконная продажа его в разветвленной сети аптек (drugstores) в Нью-Йорке, Чикаго и небольших городках по всей стране. Его получали, в частности, из Канады по хорошо налаженному каналу (“underground pipeline to Canada”)¹⁶.

За три года до описываемых событий Вулфсхайм, по признанию Гэтсби, “fixed the World Series», иначе говоря, сжульничал при организации чемпионата США по бейсболу 1919 года¹⁷. Это интересное обстоятельство требует пояснений, тем более, что преступление имело место в действительности и широко освещалось в прессе. The World Series, ежегодный чемпионат по бейсболу среди обладателей кубков Американской и Национальной лиг, в 1919 году окончился громким скандалом¹⁸. Это был так называемый «договорной матч», в результате которого за поражение от команды из Цинциннати шестерка игроков чикагской команды должна была получить и получила крупное вознаграждение. Организатором этой аферы был Арнольд Ротштейн, ключевая фигура одной из преступных группировок Нью-Йорка.

Об этом прототипе Вулфсхайма американский исследователь Лео Кэтчер пишет: «Ротштейн изменил весь преступный мир Америки, превратив деятельность мошенников в серьезный бизнес, действовавший как корпорация, во главе которой стоял он сам»¹⁹. В романе на вопрос Ника: «Кто же этот Вулфсхайм?», Гэтсби отвечает кратко: «Игрок». А ведь именно так называли Арнольда Ротштейна люди его круга.

¹⁶ В этой фразе скрыт иронический намек на “underground railway” – налаженную сеть переправки беглых рабов в Канаду перед Гражданской войной в США. В переводе Е. Калашниковой – «подземный нефтепровод США – Канада».

¹⁷ В переводе Е. Калашниковой – «Это он устроил ту шутку с “Уорлд Сириз”».

¹⁸ Вот заголовок на первой полосе *New York Times* за 29 сентября 1920 г.: “Eight White Sox Players are indicted on charges of fixing 1919 World Series”.

¹⁹ Katcher, L. *The Big Bankroll*: 8.

Кстати, в русском переводе романа английское “gambler” не передает многозначности смысла. Это понятие включает в себя такие значения, как аферист, мошенник, содержатель или агент игорного притона. Отметим, что Гэтсби говорит об успехе Вулфсхайма в афере с World Series не без сдержанного одобрения. Не исключено, что, вступив в банду Вулфсхайма в 1919 году, он сам мог быть причастным к этому преступлению. По крайней мере, такая мысль возникла у Ника при его последней встрече с бывшим патроном Гэтсби. Кстати сказать, герой признавался Нику, что деньги на свою роскошную виллу он заработал за последние три года.

Вулфсхайм и его люди не гнушались и таким сомнительным занятием, как сутенерство и содержание публичных домов. Вспомним, что Гэтсби, уволив всех слуг, приставил людей из банды Вулфсхайма охранять свой дом после того, как его стала посещать Дэзи. По словам Гэтсби, «они все из одной семьи, братья и сестры. Когда-то содержали небольшой отель» [88–Р]. Удивительная наивность Ника помогла ему остаться в неведении относительно назначения «небольшого отеля», который обслуживали эти «братья и сестры».

О нарушении людьми Вулфсхайма законов, связанных с игорным бизнесом (“betting laws”), упоминал и Том Бьюкенен во время разговора с Гэтсби в гостинице Plaza. Знакомый Тома Уолтер Чейз, попавший в сети мафии, многое мог бы рассказать полиции о том, что Вулфсхайм занимается незаконным букмекерством, но его запугали так, что он «вынужден был держать язык за зубами» [135]. Не об этом ли случае упоминал Вулфсхайм в ресторане на 42-й улице? Этот важный эпизод описан в 4-й главе романа [72].

О связи мафии с нью-йоркской полицией в книге говорится достаточно прозрачно.

Высшие полицейские чины взаимодействовали с преступными группировками, орудовавшими в городе. Это было характерно для 1920-х годов (но не только). В романе упоминается известное убийство в ресторане «Метрополь» на 43-й улице, о котором вспоминает Мейер Вулфсхайм. Об этом резонансном убийстве и его последствиях был хорошо осведомлен и Ник Каррауэй. Жертвой его в романе был один из сообщников Вулфсхайма Рози Розенталь: он был убит тремя выстрелами при выходе из ресторана. Четверых бандитов впоследствии осудили и казнили на электрическом стуле. «Пятерых, считая Бэкера», – уточнил Вулфсхайм [73]. Как выясняется, речь в романе идет о реальном событии из криминальной истории города, произошедшем в 1912 г. Некий

Герман Бинси Розенталь (Herman Beansie Rosenthal), владелец казино, долго терпел поборы полиции, хотя уже платил за покровительство главе одного из отделов нью-йоркской полиции Чарльзу Бэкеру. После разгрома казино местными полицейскими Герман Розенталь выступил в прессе с материалом о разветвленной коррупционной сети в полиции Нью-Йорка. Ответом и стала месть за разоблачение. Обратим внимание на то, что автор романа сохранил подлинные имена действующих лиц – и лейтенанта полиции, и хозяина казино²⁰.

Гэтсби также связан с высшими чинами полиции. Нику он признается, что некогда оказал услугу комиссару полиции Нью-Йорка и теперь получает от него поздравительные открытки к каждому Рождеству. Возникает вопрос: какую же услугу мог ему оказать Гэтсби? Причем услугу настолько существенную, что он пользовался определенной неприкосновенностью у местной полиции.

Автор не случайно подчеркивает тот факт, что Джею Гэтсби часто, в разное время дня и ночи, звонят по телефону – из Филадельфии, Чикаго, Детройта, других городов и городков США²¹. О характере обсуждавшихся дел можно судить по последнему звонку, раздавшемуся уже после убийства Гэтсби. Некий Слэгл, думая, что на проводе именно Гэтсби, говорит, что попался молодой Парк:

They picked him up when he handed the bonds over the counter. They got a circular from New York giving'em the numbers just five minutes before..." [166].

Речь шла, конечно, о жульничестве с ценными бумагами. Теперь только становится понятно, какого рода сделку Гэтсби предложил Нику в благодарность за обещание устроить свидание с Дэзи. Скорее всего, речь могла идти о подделке ценных бумаг. Ник отказался, но, как сам признается, только из-за откровенной бестактности, с которой предложение было сделано.

²⁰ См. об этом: *Infamous New York. A Garland Tour of New York City's Most Infamous Crime Scenes*. Online at <https://infamousnewyork.com/2016/05/31/murder-at-the-metropole-charles-becker-herman-rosenthal-case-147-west-43rd-street/>).

²¹ Во время визита в дом Гэтсби Дэзи и Ник услышали такой разговор хозяина дома с кем-то из людей Вулфсхайма: "Yes, ... Well, I can't talk now. ... I can't talk now, old sport. ... I said a *small* town. ... He must know what a small town is. ... Well, he's no use to us if Detroit is his idea of a small town. ..." [96].

Но как же получилось так, что у читателя складывается впечатление о герое, весьма отличное от образа, рельефно выступающего на фоне криминальной жизни Нью-Йорка 1920-х годов? Отчасти это происходит потому, что мы слишком доверяем рассказчику, к которому с самого начала испытываем симпатию. Роль Ника Каррауэя – не только в том, чтобы вести рассказ о событиях лета 1922 года в Нью-Йорке. С его помощью автор отвлекает читателя от быстрой разгадки, нагнетает напряжение, заставляет сопоставлять детали, на которые мы часто не обращаем внимания – или не придаем им большого значения.

Итак, Ник Каррауэй – фигура «ненадежного» рассказчика. Отсюда его непоследовательность, легковерие и даже наивность. Ника почему-то не смущает откровенная абсурдность того, что Гэтсби говорит о своем «геройстве» на войне, во время битвы при Аргоннах. В подчеркнуто карикатурных тонах Гэтсби излагает эпизод, известный в истории Первой мировой войны как подвиг «Потерянного батальона» (*The Lost Battalion*)²², и приписывает себе честь руководства этим сражением. Вот его версия происходившего: он вместе с двумя отрядами пулеметчиков численностью 130 человек, вооруженных шестнадцатью пулеметами «люис», за два дня сражений уничтожили «три дивизии» немцев [68]. Но ведь три дивизии – это около пятнадцати тысяч человек, а то и больше... Отметим, что исторический эпизод с «Потерянным батальоном» имел место в октябре 1918 г., уже после того, как Гэтсби, по его словам, покинул свой полк. Сомнения Ника относительно того, что он вообще участвовал в этом бою, вызвала фраза о том, что за свое «геройство» он был награжден орденами «всех союзных держав». И только увидев нечто, выдаваемое Гэтсби за орден Черногории, Ник почувствовал, что его недоверие «растворилось в восторге» [53-Р].

Чем же объяснить такую странную доверчивость и декларируемый моральный релятивизм Ника? Можно предположить, что он не был способен противостоять очарованию зла. Но автор предлагает нам и другое объяснение. В предисловии к воспоминаниям о событиях 1922 года Ник объясняет свою терпимость и нежелание давать людям

²² В октябре 1918 г. после американской атаки на немецкие позиции в битве при Аргоннах 554 человека оказались в окружении. Около 200 из них погибли (частично от «дружественного огня»), 150 пропали без вести или попали в плен. Они героически держались шесть дней, отразив несколько атак противника. Подвиг американских солдат во главе с майором Чарльзом Уиттлси (Charltes Whittlesey) был увековечен после окончания войны.

моральные оценки семейным воспитанием. И все же свой рассказ он окончил моральным оправданием героя, который, в его глазах, обладал «редкостным даром надежды» и «романтической верностью мечте». А как иначе воспринимать его фразу: “Gatsby turned out to be all right at the end” [6]?²³

Но первое впечатление рассказчика было все же иным и, как понимает читатель, верным. За маской приветливого и безупречно одетого хозяина особняка он увидел человека, от которого лучше держаться подальше²⁴. Он обратил внимание на то, что Гэтсби с трудом – или очень осторожно – подбирает слова. Несколько раз он заметил у Гэтсби «взгляд убийцы». Иногда манера Гэтсби казалась ему странной, и у него возникали смутные подозрения о существовании в его жизни «какой-то жутковатой тайны» [52-P]. Но он не позволяет этим сомнениям утвердиться. Но ведь Гэтсби лжет Нику цветисто и нагло – о своем прошлом, о том, что родился в богатой семье, из которой никого уже нет в живых; что «по семейной традиции» уехал учиться в Оксфорд, а перед войной «стал разъезжать по столицам Европы, ведя жизнь молодого раджи» [68]. Порой Ник все же начинает сомневаться в правдивости его слов, но старается эти сомнения подавить – и вновь проникается к Гэтсби симпатией. Он, по сути дела, становится доверенным лицом героя, его конфидендом – и даже сообщником (в истории с Дэзи), – а в самом конце романа называет себя его «близким другом».

Нику словно передается сентиментальность Гэтсби. Он повторяет его слова о «вечной мечте» (“incorruptible dream”) [154]²⁵ вернуть Дэзи, о «пятилетней бесконечной преданности» ей [110], не замечая фальшивой интонации героя. Но ведь человек такого склада и образа жизни не способен на романтические и возвышенные мечты. Это прожженный делец, и им руководит не мечта, а желание (“desire”), в том самом смысле, который Драйзер вкладывал в это понятие в «Трилогии желаний». Не забудем важную деталь: Гэтсби без всякой сентиментальности говорит о том, что «в голосе Дэзи слышны деньги» [121]. Деньги и обладание деньгами – вот что направляет все действия и помыслы героя. Он уже возвысился над

²³ Наряду с этим он хочет внушить читателю, что Гэтсби воплощал собой все, что он искренно презирал, а в заключение повторяет эту мысль: “I disapproved of him from beginning to end” [154].

²⁴ “an elegant young roughneck”. В русском переводе («расфранченный хлыщ») [40-P] резко отрицательная коннотация слова пропадает.

²⁵ На русский переведено неточно: «непорочная мечта» [119-P].

людьми, накопив несметные богатства, но ему не хватает признания Дэзи. Он хочет вернуть ее – но куда? В мир мошенников и бандитов, в котором вращался сам?

Конец героя закономерен – и хорошо известен. Обезумевший муж любовницы Тома после ее гибели под машиной, которую вела Дэзи, убивает Гэтсби в бассейне его особняка и стреляет сам в себя. На похороны Гэтсби не пришел никто из его многочисленных гостей, если не считать случайно приехавшего посетителя его библиотеки. Не пришли ни Том, ни Дэзи. Был лишь священник, старик-отец, почтмейстер и несколько слуг. И, конечно, Ник Каррауэй. Приговор автора недвусмыслен, как недвусмысленно и авторское осуждение Дэзи и Тома. Устами рассказчика Скотт Фицджеральд предьявляет «очень богатым» обвинение:

Они были беспечными существами, Том и Дэзи. Они ломали вещи и людей, а потом убегали и прятались за свои деньги, свою всепоглощающую беспечность или еще что-то, на чем держался их союз, предоставляя другим убирать за ними [138-Р].

И все же: почему Ник не упомянул в ряду «очень богатых» и Джея Гэтсби? Пожалуй, это одна из загадок романа. Остается и вопрос, почему автор, давая заглавие книге, назвал Гэтсби «великим»? За возможной разгадкой придется обратиться к биографии одного из самых заметных «героев» американской истории 1920-х–1930-х гг. – Аль Капоне. В начале 1910-х он участвовал в одной из преступных группировок Нью-Йорка, а в 1917 г., когда за ним числилось уже два убийства и полиция стала проявлять к нему пристальное внимание, перебрался в Чикаго, где вскоре возглавил итальянскую мафию. Там он занимался примерно тем же, чем в Нью-Йорке – Арнольд Ротштейн, но в гораздо больших масштабах: рэкетом, отмыванием денег, контрабандой спиртного, игорным бизнесом, сутенерством, а его кровавые разборки с конкурентами повлекли за собой многочисленные жертвы. Именно в Чикаго он заслужил от своих сообщников уважительное прозвище «Великий Альфонсо» (The Great Al). Небезынтересно и то, что Аль Капоне говорил о своих подвигах на полях сражений во Франции, хотя в самом деле никогда не служил в армии и в войне не участвовал.

Вполне резонно предположить, что Фицджеральд знал о деятельности чикагской мафии и совсем не случайно наделил своего героя эпитетом, в котором звучит замаскированное осуждение.

В романе есть еще одно подлинное имя, и его упоминание тоже, конечно, не случайно. Это имя Джеймса Хилла (James Hill), строителя трансконтинентальной железной дороги на Северо-Востоке США. Без преувеличения – и без кавычек – его можно назвать «великим». Такой судьбы человека, многим послужившим своей стране, хотел бы для своего сына скромный фермер и несчастный отец Джея Гэтсби. Эта трогательная нота сливается с траурной музыкой конца романа – и служит своеобразным камертоном событий, о которых повествует агент по продаже ценных бумаг и друг Гэтсби Ник Каррауэй.

Настоящее «расследование» предпринято с целью прояснить характер главного героя и проследить его путь в Нью-Йорке – от вернувшегося из Европы офицера без гроша в кармане, который согласился работать на мафию, к бесславному концу человека, ставшего одним из лидеров организованной преступной группировки. Сочетание художественного вымысла и исторических фактов придает роману особый характер, требующий и специфического метода анализа. Именно поэтому исследователю приходится выступать в роли следователя или детектива-криминалиста – отыскивать улики, оценивать их значение, сопоставлять факты и даты, проверять показания свидетелей и рассматривать различные версии случившегося. А также оценивать точность перевода²⁶.

Роман Фицджеральда не только передает очарование «века джаза», но приоткрывает довольно мрачные стороны американской жизни 1920-х годов – разгул преступности и борьбу мафиозных группировок, тотальную коррупцию и утрату моральных ценностей.

²⁶ Несколько примеров неточного перевода в тексте упоминаются. Приведу еще один, из которого понятно, что автор русской версии романа симпатизирует главному герою и – под влиянием образа, созданного критикой, – «улучшает» оригинал. Вспоминая первую вечеринку у Гэтсби, на которой ему довелось присутствовать, Ник Каррауэй пишет: “The lawn and the drive had been crowded with the faces of those *who guessed at his corruption*” [выделено мной. – Э.О.] [154], из чего следует, что они знали или догадывались о преступном бизнесе Гэтсби, но все же пользовались его гостеприимством. В русском переводе читаем: «Сад и аллея кишмя кишели тогда людьми, не знавшими, какой бы ему приписать порок...» [119-Р]. Это тот самый случай, когда критика влияет на перевод, а перевод, в свою очередь – на критику.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкина И.В. Американские классики XX века в студенческих дискуссиях на английском языке. М.: Изд-во МГИМО, 2007.

Гайсмар М. Цикл прозы // Литературная история США. Том III. М.: Прогресс, 1979.

Гиленсон Б.А. История литературы США. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003.

Зверев А.М. Фицджеральд // Писатели США. Краткие творческие биографии. М.: Радуга, 1990. С. 516–518.

Прозоров В.Г. Фрэнсис Скотт Фицджеральд. Солист «Века Джаза» // Прозоров В.Г. Мечта и трагедия. Петрозаводск: Изд-во Карельского госпединститута, 1993. С. 160–180.

Самохвалов Н.И. История американской литературы. Часть II. М.: Просвещение, 1971.

Толмачёв В. М. Фрэнсис Скотт Фицджеральд // История литературы США. Том VI, книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 218–282.

Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби. Последний магнат. Рассказы / Пер. Е. Калашниковой. М.: Художественная литература, 1990.

Katcher, L. *The Big Bankroll. The Life and Times of Arnold Rothstein*. New York: Da Capo Press, 1959.

Kazin, A. *An American Procession. Major American Writers, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

Lewis, R.W.B. *The American Adam. Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1955.

Fitzgerald, F.S. *The Great Gatsby*. Kiev: Dnipro Publishers, 1973.

REFERENCES

Babushkina, I.V. *Amerikanskie klassiki 20 veka v studencheskikh diskussiiakh na angliiskom iazyke* [American Classics of the 20th Century in Student Discussions in English]. Moscow: MGIMO Press, 2007. (In Russ.)

Fitzgerald, F.S. *The Great Gatsby*. Kiev: Dnipro Publishers, 1973.

Fitzgerald, F.S. *Velikii Getsbi. Poslednii magnat. Rasskazy* [The Great Gatsby. The Last Tycoon. Short Stories], transl. E. Kalashnikova. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. (In Russ.)

Gaismar, M. "Tsikl prozy." ["The Prose Cycle."]. In *Literaturnaia istoriia SShA* [Literary History of the USA]. Vol. 3. Moscow: Progress Publ., 1979. (In Russ.)

Gilenson, B.A. *Istoriia literatury SShA* [History of the USA Literature]. Moscow: Akademiia Publ., 2003. (In Russ.)

Katcher, L. *The Big Bankroll. The Life and Times of Arnold Rothstein*. New York: Da Capo Press, 1959.

Kazin, A. *An American Procession. Major American Writers, 1830–1930*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

Lewis, R.W.B. *The American Adam. Innocence, Tragedy and Tradition in the Nineteenth Century*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1955.

Prozorov, V.G. “Frensis Skott Fitsdzheral'd. Solist Veka Dzhaza.” [“Francis Scott Fitzgerald. Jazz Age Soloist.”] Prozorov, V.G. *Mechta i tragediia* [*Dream and Tragedy*]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Karel'skogo gospedinstituta publ., 1993: 160–180. (In Russ.)

Samokhvalov, N.I. *Istoriia amerikanskoi literatury* [*History of American Literature*]. Part 2. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. (In Russ.)

Tolmatchoff, V. M. “Francis Scott Fitzgerald.” *Istoriia literatury SShA* [*History of the USA Literature*]. Vol. 6, book 1. Moscow: IMLI RAN Publ., 2013: 218–282. (In Russ.)

Zverev, A.M. “Fitsdzheral'd.” [“Fitzgerald.”] *Pisateli SShA. Kratkie tvorcheskie biografii* [*USA Writers. Brief Biographies*]. Moscow: Raduga Publ., 1990: 516–518. (In Russ.)